НОВЫЙ ГОРОД.
СТАРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.
ОДНА ТАЙНА, КОТОРАЯ ИЗМЕНИТ ВСЁ.

Han
카페 한

Кафе Хан

там, где начинается всё

Если однажды
ты окажешься в Сеуле —
найди это место.
Здесь осталось что-то
важное из моей жизни.
♡

ОДНА ВСТРЕЧА. ДВЕ СЕМЬИ.
ТРИ СЕРДЦА, КОТОРЫЕ ИЩУТ СВОЙ ПУТЬ.

ЭЛИ ЛИ

Эли Ли

Встреча в переулке у реки Хан

«Автор»
2026

Эли Ли

Встреча в переулке у реки Хан / Эли Ли — «Автор», 2026

Она искала следы матери. А нашла историю, в которой сама когда-то была главной героиней.После смерти самого близкого человека Юрим остаётся с вопросами, на которые больше некому ответить. Старые письма и фотография приводят её в Сеул — город, где прошло самое раннее детство, о котором она ничего не помнит.Кафе «Хан» становится её убежищем. Здесь она начинает всё сначала: учится жить в незнакомом городе, привыкает к новой работе и встречает людей, которые постепенно перестают быть чужими.Но хозяин кафе, Мин Хёну, знает о ней больше, чем она может представить.Он помнит маленькую девочку с фотографии. Помнит её мать. И помнит обещание, которое однажды дал, даже не подозревая, что спустя годы ему придётся встретиться с ней снова.Только вот можно ли построить настоящее на воспоминаниях, которые сохранились лишь у одного из двоих?

© Эли Ли, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог, глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Эли Ли
Встреча в переулке у реки Хан

Пролог, глава 1

Пролог. Глава 1

Самолёт приземлился два часа назад. Сеул встретил девушку шумом незнакомых улиц, запахом кофе из маленьких кафе, голосами людей, спешащих по своим делам. Город жил своей жизнью, не зная, что для неё это место было началом чего-то нового.

Она стояла на узкой улочке, которая спускалась к реке Хан, и крепко держала в руках старую фотографию с загнутыми краями.

На ней была мама. Рядом — женщина, которую девушка никогда не видела вживую, но знала по маминым рассказам. Подруга, с которой мама когда-то делила самые счастливые годы своей жизни. А на коленях у той женщины сидела маленькая девочка с двумя косичками.

Она сама.

Она провела пальцем по фотографии. Мама оставила ей эту фотографию незадолго до смерти. На обратной стороне была короткая надпись:

«Если однажды ты окажешься в Сеуле — найди это место. Здесь осталось что-то важное из моей жизни».

Девушка не знала, что именно мама хотела, чтобы она нашла.

Человека?

Воспоминание?

Ответы на вопросы?

Она подняла взгляд.

Перед ней был совсем другой мир. Высокие здания, незнакомые лица, язык, который звучал вокруг как музыка, но всё ещё оставался чужим.

Только река Хан казалась странно знакомой. Может быть, потому что мама когда-то смотрела на неё так же.

Она убрала фотографию в карман пальто, надела наушники и пошла вдоль переулка. Включилась старая песня. Та самая.

Она помнила её с детства. Мама напевала её тихим голосом перед сном, когда она боялась темноты. Мелодия поднималась и опускалась, словно дыхание. Девушка закрыла глаза всего на секунду. Она хотела почувствовать, что мама всё ещё рядом.

Фотография выпала из ее кармана, но она не заметила этого.

...

Он шёл по той же улице.

Парень держал за руку Ким Соа. Она что-то рассказывала ему, смеясь, выбирая ресторан, куда они должны были пойти вечером.

Он слушал. Точнее — делал вид, что слушает. Его мысли были далеко.

О завтрашней поставке.

О работе.

О счетах.

О матери, которая утром снова позвонила и спросила, не нужна ли ей помощь в кафе.

Он любил свою семью. Но в последние годы ему казалось, что он просто существует. Дни сменяли друг друга. Работа. Обязанности. Ожидания других людей.

Он давно перестал спрашивать себя, чего хочет сам.

— Ты вообще меня слушаешь? — Соа слегка улыбнулась.

— Конечно.

Она посмотрела на него внимательно.

— Ты сейчас опять где-то далеко.

Молодой человек хотел ответить, но промолчал.

И именно в этот момент он увидел её. Девушку, которая шла ему навстречу. Она была совсем обычной. Не яркий макияж. Не дорогая одежда. Простое пальто, растрёпанные ветром волосы, наушники.

Но в ней было что-то, что заставило его остановиться.

Она шла так, будто весь шум города не касался её. Будто она слышала что-то важнее всего вокруг. И вдруг на землю упало что-то белое.

Фотография.

Девушка не заметила.

— Хену?

Соа потянула его за руку.

— Секунду.

Он отпустил её руку и сделал шаг вперёд, наклонился и поднял фотографию. И замер. Сначала он увидел улицу. Эту самую улицу. Потом женщин на фотографии. Одну он узнал сразу. Его мама. Мин Минджа. Вторая женщина…

Он почувствовал, как внутри всё остановилось.

Тётя Сохи. Он помнил её. Помнил их дом. Помнил, как мама иногда брала его с собой в гости. И помнил маленькую девочку. Он посмотрел на ребёнка на фотографии. Девочка с косичками. Та, которую он когда-то держал за руку. Та, которую мама называла маленькой принцессой.

Хену медленно поднял взгляд. Перед ним стояла взрослая девушка. Что-то внутри болезненно сжалось, он был уверен, что никогда раньше не видел эту девушку, но в то же время ему казалось, что он знает её всю жизнь

— Хену? — голос Соа стал настороженным.

Но он её почти не слышал.

Девушка перед ним открыла глаза. Остановилась.

Их взгляды встретились.

Хену смотрел на неё и не понимал, почему ему кажется, будто встретил человека, которого потерял. Хотя никогда не терял. Девушка посмотрела на фотографию в его руках. Потом на него. Она осторожно протянула руку. Он не сразу отдал.

Всего одно мгновение.

Но этого хватило, чтобы заметить всё. Её глаза. Её выражение лица. Её удивление. Она не знала его. А в нем поселились сомнения.

— Ваше фото, — тихо сказал он. Его голос прозвучал почти шёпотом.

Девушка взяла фотографию. Их пальцы коснулись друг друга. Его рука была тёплой. Её — холодной после улицы.

Она быстро убрала руку.

— Спасибо.

Хену продолжал смотреть на неё. В голове вспыхивали десятки вопросов.

Кто она? Почему у нее фотография моей матери? Откуда она знает тетю Сохи? Почему кажется, что я должен ее помнить?

Как объяснить незнакомке, что она кажется частью твоего прошлого?

— Вы похожи, — наконец сказал он.

Она посмотрела на фотографию. Улыбнулась немного грустно.

— Моя мама.

Эти два слова почему-то ударили сильнее, чем он ожидал. Сердце пропустило удар, Неужели...

Позади него раздался голос Соа, который вырвал его из собственных мыслей:

— Хену.

Он повернулся. Она смотрела сначала на него, потом на незнакомку. И впервые в его взгляде появилась тревога. Она не понимала, что происходит, за три года отношений она слишком хорошо узнала Хёну, так он никогда еще ни на кого не смотрел.

— Мы опаздываем, — тихо сказала Соа.

Хену сделал шаг назад. Потом ещё один. Но продолжал смотреть на девушку.

Она заметила это и мягко улыбнулась.

— Хорошего дня. - Она снова надела наушники и пошла дальше.

К реке. Туда, где вода отражала свет вечернего города.

Хену стоял на месте.

Он смотрел ей в след до тех пор, пока светлое пальто не растворилось среди прохожих. Только тогда он понял, что все это время сжимал кулаки так сильно, что ногти впились в ладонь. Он будто случайно открыл дверь в часть своей жизни, которую давно забыл. Будто рядом с этой девушкой он впервые за долгое время почувствовал что-то настоящее.

— Хену. - Соа снова позвала его.

Он повернулся. Посмотрел на неё. Но перед глазами всё ещё была другая девушка. Фотография. Старая песня. И глаза, в которых была целая жизнь, которую она не помнила.

— Идём.

Они пошли.

Он — в одну сторону.

Она — в другую. И только ветер доносил до него едва различимые звуки мелодии из ее наушников

А река Хан продолжала течь между ними.

Никто из них еще не знал, что одна случайно уроненная фотография уже изменила ход их жизни.

Глава 2

Мне было пять лет, когда мама сказала: «Хену, у тебя теперь есть сестрёнка».

Я не понял. У меня не было сестры. У меня были игрушечные машинки, был двор, где я гонял мяч, была мама, которая пекла печенье, и был папа, который иногда приходил домой рано и подбрасывал меня к потолку. Но сестры — нет.

— Какая сестрёнка? — спросил я, отрываясь от конструктора.

Мама улыбнулась. Она улыбалась так, что глаза превращались в две тонкие щёлочки, а в уголках появлялись маленькие морщинки, которые я любил трогать пальцами.

— У тёти Сохи родилась дочка. Мы идём к ней в гости.

Тётя Сохи. Я знал её. Она часто приходила к нам. Она пахла цветами и чем-то сладким, всегда приносила мне шоколадные конфеты в красной обёртке и щипала меня за щёки, приговаривая: «Ах, какой у нас Хену вырос! Совсем взрослый мужчина!»

Мне нравилась тётя Сохи. Она смеялась громко, от всей души, и когда она смеялась, мама тоже начинала смеяться, и дом наполнялся светом.

— Пойдём, — сказала мама и протянула мне руку.

Мы вышли из дома. Был тёплый день, пахло вишней, которая цвела в нашем саду. Я шёл и думал: «Какая ещё сестрёнка? Зачем она мне? У меня же есть машинки».

Дом тёти Сохи находился через дорогу от нашего. Маленький, с белыми стенами и зелёной дверью, которую всегда открывали без стука. Мама толкнула её, и мы вошли.

Внутри пахло по-другому. Не как у нас. Там пахло лекарствами, молоком и чем-то тёплым, похожим на мамины объятия.

Тётя Сохи сидела на кровати, укрытая пледом. Её волосы были собраны в небрежный пучок, под глазами залегли тени, но она улыбалась. Но ее лицо светилось таким счастьем, какого я еще никогда не видел.

— Хену! — позвала она. — Иди сюда, быстрее.

Я подошёл ближе. Рядом с ней лежал маленький белый свёрток. Из свёртка торчало что-то розовое, сморщенное и очень странное.

— Это Юрим, — сказала тётя Сохи. — Твоя сестрёнка.

Я наклонился. Посмотрел. Глаза у малышки были закрыты, крошечные кулачки сжаты, и она дышала так тихо, что я сначала подумал, что она не дышит вовсе. Я никогда не видел таких маленьких людей. Она была похожа на куклу, но кукла не дышит, а эта дышала.

— Она... смешная, — сказал я.

И тут малышка открыла глаза.

Она посмотрела на меня. Честное слово, посмотрела. Её глаза были тёмными, почти чёрными, и в них не было никакого страха. Она просто смотрела. И я почувствовал что-то странное. Будто она уже знала меня. Будто я должен был быть здесь.

Тётя Сохи засмеялась.

— Она тебя узнаёт, Хену! Смотри, как смотрит.

Мама подошла ближе и положила руку мне на плечо.

— Хочешь подержать её?

Я испугался. Она такая маленькая. А у меня руки большие и неловкие. Что если я уроню её? Что если сломаю?

— Не бойся, — сказала тётя Сохи. — Она крепкая. Иди сюда, садись.

Я сел на край кровати. Мама взяла свёрток и осторожно положила его мне на колени. Малышка была лёгкой. Слишком лёгкой. Я смотрел на неё и понимал, что отпускать совсем не хочется. Она пахла молоком и чем-то сладким.

Я протянул палец и осторожно коснулся её щеки. Она была мягкой, тёплой, почти прозрачной. Юрим повернула голову и сжала мой палец крошечной ручкой. Я замер. Она держала меня.

— Видишь? — мама улыбнулась. — Ты ей нравишься.

Тётя Сохи смотрела на нас и у неё на глазах блестели слёзы.

— Вы будете лучшими друзьями, — сказала она. — Я знаю. Ты будешь защищать её, Хену. Да?

— Да, — сказал я, глядя на крошечное лицо, которое смотрело на меня снизу вверх.

Я не знал тогда, что это обещание останется со мной на всю жизнь.

Через несколько недель Юрим уже не была похожа на инопланетянина. У неё появились пухлые щёчки, она начала улыбаться и гукать. Мама часто брала меня с собой, когда шла к тёте Сохи.

Я любил смотреть на неё. Как она лежит в своей кроватке, как машет ручками, как морщится, когда голодная. И каждый раз, когда я заходил в комнату, она поворачивала голову в мою сторону и улыбалась. Беззубой, широкой улыбкой, которая делала меня самым важным человеком на свете.

Однажды я принёс ей погремушку. Она была ярко-жёлтой, в форме звезды. Я потряс её перед лицом Юрим, и она засмеялась. Первый раз в жизни. Тётя Сохи чуть не заплакала от счастья, а мама гладила меня по голове и говорила: «Молодец, Хену».

С того дня я стал приходить к Юрим каждый день. Я приносил ей свои игрушки — машинки, кубики, мячики. Она хватала их, тащила в рот, а я смеялся и говорил: «Нельзя, Юрим, это невкусно». Она не слушалась. Она смотрела на меня своими тёмными глазами и улыбалась.

Где-то в конце первого года Юрим начала ползать. Это было страшно и весело одновременно. Она ползла по всей комнате, хватала всё подряд, и тётя Сохи бегала за ней с криками: «Юрим, стой!»

Но Юрим не слушалась. Она ползла ко мне. Почему-то всегда ко мне. Она останавливалась у моих ног, тянула ручки вверх и говорила: «А-а-а». Это означало: «Возьми меня на руки».

Я брал её. Она была тяжёлой и тёплой. Она хватала меня за нос, за уши, за волосы, а потом вдруг утыкалась головой мне в плечо и затихала. Мы так сидели — я, пятилетний мальчик, и она, маленькая девочка, которая считала меня своим.

Мама говорила: «Хену, ты у неё самый лучший друг».

Тётя Сохи добавляла: «Она тебя обожает, Хену. Ты для неё старший брат».

Я не знал, что такое «старший брат». Но когда Юрим смотрела на меня, я чувствовал себя важным. Нужным. Таким, без кого она не может.

Она начала говорить, когда ей было чуть больше года. Первое слово было «мама» — конечно, мама. Второе — «папа». Третье было странным.

— А-а-а, — говорила она, показывая пальцем на дверь, когда я входил.

Я не понимал.

— Она зовёт тебя, — смеялась тётя Сохи. — Она говорит «Хену».

— Это не похоже на «Хену», — возражал я.

— Для неё похоже.

С того дня Юрим звала меня «А-а-а». И я откликался. Потому что понимал: это по-настоящему. Для неё я не был соседским мальчиком. Я был тем, кого она ждала каждый день.

Мы играли. Мы рисовали на полу цветными мелками. Юрим размазывала их по бумаге, но главное было не это. Главное было то, что она смеялась. Её смех был как колокольчик —

звонкий, чистый, заразительный. Когда она смеялась, я тоже начинал смеяться, и мы оба катались по полу, пока тётя Сохи качала головой и говорила: «Вы не дети, вы буря».

Однажды я пришёл к ним и увидел, что она сидит на полу и плачет. Настоящие слёзы, громкие, безудержные. Тётя Сохи пыталась её успокоить, но ничего не помогало.

— Что случилось? — спросил я.

— Она упала, — вздохнула тётя Сохи.

Я подошёл к Юрим, сел рядом и протянул ей руку.

— Не плачь, — сказал я. — Я здесь.

Она посмотрела на меня, всхлипнула и протянула свои ручки. Я взял её на руки. Она уткнулась носом мне в плечо и перестала плакать.

Тётя Сохи смотрела на нас и молчала. Я не знал тогда, что она запомнит этот день. Как и я.

Когда Юрим исполнилось два года, она уже уверенно ходила. Она бегала по дому, пряталась за диваном, выглядывала и кричала: «А-а-а, ищи!» Я искал. Я всегда находил. И она визжала от радости, когда я вытаскивал её из укрытия.

—

Я приходил к Юрим почти каждый день на протяжении двух лет, мы веселились, мне нравилось проводить время с этой малышкой, за такое долгое время я настолько привязался, что не мог представить свою жизнь без нее.

—

Это был тёплый весенний день, когда я пришёл к ним в последний раз перед отъездом. Я не знал, что это последний раз. Просто пришёл, как обычно.

Юрим сидела на полу в своей комнате и что-то рисовала. Карандаш был зажат в кулачке, а на бумаге появлялись цветные линии.

— Что ты рисуешь? — спросил я.

Она подняла голову и улыбнулась.

— Это ты, — сказала она.

Я посмотрел на рисунок. Это были какие-то палки, круги и пятна. Но она смотрела на меня так серьёзно, что я не мог засмеяться.

— Красиво, — сказал я. — Похоже.

Она засмеялась и протянула мне листок.

— Это тебе.

Я взял рисунок. Я храню его до сих пор. Даже не знаю почему. Просто когда смотрю на него, я вспоминаю тот день.

Мы сидели за столом, наши мамы пили зеленый чай, я пил молоко, а Юрим сидела у меня на коленях и играла с моими пальцами.

— Ты будешь скучать по мне? — спросила она вдруг.

Я удивился.

— А ты уезжаешь?

Тётя Сохи и моя мама переглянулись. Я не понял этого взгляда тогда. Я был маленьким.

— Мы уезжаем, — тихо сказала тётя Сохи. — В Россию. У папы Юрим закончился контракт и нам нужно уехать.

Я не понял, что такое «контракт». Для меня это было просто слово.

— А когда вы вернётесь?

Они снова переглянулись.

— Мы не знаем, Хену, — сказала мама.

Я посмотрел на Юрим. Она играла с моими пальцами, не понимая, что происходит. А я вдруг почувствовал, что тишина стала оглушительной, до звона в ушах. Что-то важное уходит из моей жизни, то без чего я не представлял как жить.

— Юрим, — сказал я. — Не уезжай.

Она подняла глаза и посмотрела на меня.

— Я вернусь, — сказала она.

Я улыбнулся.

Она не знала, что говорит, была маленькой. Но я запомнил эти слова больше всего.

—

Накануне вечером я долго сидел в своей комнате. Я уже умел писать, но буквы получались кривыми. Я взял листок бумаги и вывел: «Юрим, не забывай меня. Я буду ждать. Твой Хёну». Потом сложил его вчетверо.

Утром, когда мы вышли провожать их, я увидел, как тётя Сохи ставит рюкзак Юрим на землю у машины, чтобы помочь папе с чемоданами. Я подождал секунду, сделал шаг вперед и быстро сунул записку в боковой карман — туда, где лежали её подгузники и любимая погремушка. Никто не заметил.

Они уехали.

Мы стояли у дома тёти Сохи. Я держал маму за руку и смотрел, как они садятся в машину. Юрим сидела на руках у тёти Сохи и махала мне рукой.

— А-а-а! — кричала она. — А-а-а!

Я махал в ответ. Я не плакал. Не знаю почему. Наверное, потому что я не верил, что она уезжает навсегда. Я думал: «Она вернётся. Она же обещала».

Они сели в машину. Тётя Сохи помахала нам. Мама махала в ответ, и я видел, что она плачет.

— Она вернётся, — сказала мама. — Она обязательно вернётся.

Я смотрел на машину, которая уезжала по улице, и чувствовал, как что-то внутри меня становится пустым. Как будто из моей жизни вынули важную деталь. Деталь, без которой всё остальное не имело смысла.

Еще пять лет Сохи писала письма, но потом все прекратилось.

Мама ждала, каждый день, каждый год.

А потом я вырос и забыл, как чувствовать.

Восемнадцать лет спустя я стоял у реки Хан и смотрел на девушку, которая шла мне навстречу. Она не знала меня. Не помнила наш дом, наши игры, рисунок, который нарисовала для меня.

Но я помнил всё.

И в тот момент, когда она взяла у меня из рук фотографию и наши пальцы коснулись, я почувствовал, как внутри что-то оживает. Та самая деталь, которую я потерял восемнадцать лет назад.

Она прошла мимо, даже не узнала меня.

А я вдруг понял.

Что все это время...

Я ждал именно ее.

Глава 3

Юрим проснулась за несколько минут до звонка будильника. Несколько секунд она просто лежала, глядя в белый потолок гостиничного номера. Потом вспомнила.

Сеул.

Она села на край кровати и тихо выдохнула.

Сегодня был последний день, который она могла провести в этом номере. Денег оставалось немного, поэтому прежде всего нужно было найти жильё. А потом — работу.

— Не паникуй, Юрим, — тихо сказала она самой себе. — Всё получится.

За окном город уже жил своей жизнью. Машины неторопливо заполняли улицы, где-то неподалёку сигналил автобус, кто-то громко смеялся, разговаривая по телефону. Сеул просыпался.

Юрим подошла к окну. Высокие дома переливались в утреннем солнце. Она вдруг подумала, что мама тоже когда-то смотрела на этот город. Только тогда рядом с ней были люди, которых она любила. Юрим открыла рюкзак и достала фотографию. Провела пальцем по лицу матери.

— Я здесь…

Её голос прозвучал почти шёпотом.

— Я обязательно найду то, что ты хотела мне показать.

Она аккуратно убрала фотографию обратно.

Сегодня начиналась её новая жизнь.

Поиски жилья оказались намного сложнее, чем она представляла. Первые две квартиры были слишком дорогими. В третьей хозяин недоверчиво посмотрел на её паспорт. В четвёртой комнате пахло сыростью так сильно, что хотелось выйти уже через минуту. Юрим устало улыбалась, благодарила и снова выходила на улицу.

Она несколько раз сворачивала не туда. Иногда останавливалась перед вывесками и пыталась читать их по слогам. Корейский она знала.

Но не такой.

Не быстрый.

Не городской.

Она поймала себя на мысли, что чувствует себя иностранкой в стране, которая должна была быть ей родной. Всем своим внешним миром она была кореянкой, но годы, прожитые в другой стране так быстро не забудешь. Ей предстояло привыкнуть к новому ритму жизни, чтобы однажды почувствовать себя здесь своей.

К вечеру ноги гудели от усталости. Именно тогда она увидела небольшой старый дом недалеко от реки. На воротах висело аккуратно написанное объявление.

«Сдаётся комната».

Она постучала.

Дверь открыла невысокая пожилая женщина.

— Чем могу помочь?

Юрим слегка поклонилась.

— Я пришла по объявлению.

Женщина внимательно посмотрела на неё.

— Проходи.

Комната находилась на чердаке. Небольшая, с деревянным полом и старым письменным столом возле окна. И этот вид из окна, самый красивый, какой только могла видеть Юрим.

За окном спокойно текла река Хан.

— Ты приехала учиться? — спросила хозяйка.

— Нет.

— Работать?

Юрим немного помолчала.

— Надеюсь.

Женщина улыбнулась.

— Тогда зачем приехала?

Юрим долго смотрела на воду.

— Наверное… - Она сжала ремешок рюкзака. — Искать то, что мама оставила здесь.

Хозяйка ничего не спросила. Только кивнула.

— Тогда тебе сюда.

Она вложила ключ в ладонь Юрим.

— Меня зовут Ким Хянсук.

— Спасибо…

В тот вечер Юрим долго разбирала вещи. На стол первой легла фотография. Потом дневник мамы. Потом маленький плюшевый брелок, который мама когда-то подарила ей ещё в детстве. Когда за окном окончательно стемнело, Юрим села на подоконник. Река отражала сотни вечерних огней.

— Мам…

Она улыбнулась.

— Кажется… у меня начинает получаться.

На следующее утро она вышла без какого-либо плана. Ей хотелось просто идти. Запоминать улицы. Слушать незнакомую речь. Пытаться почувствовать этот город.

Она свернула в узкий переулок. Потом ещё один. И вдруг остановилась, перед ней находилось небольшое кафе.

Деревянная вывеска.

Цветы возле входа.

Тёплый свет за окнами.

Почему-то сердце забилось быстрее, будто она уже однажды открывала эту дверь, хотя прекрасно знала, что это невозможно.

Юрим осторожно толкнула дверь, над головой тихо звякнул колокольчик. Тёплый запах свежего кофе сразу окутал её. Она невольно улыбнулась. Здесь царило такое удивительное умиротворение, что ей захотелось задержаться еще ненадолго. Негромкая музыка играла так, будто пела сама душа. На стенах висели фотографии и рисунки, повсюду стояли живые цветы. На подоконниках красовались горшки с лавандой и розмарином. Где-то недалеко шумела кофемашина, а их кухни доносился запах свежей выпечки. Пару посетителей сидели за столиками и неторопливо болтали, попивая кофе. Юрим очень прониклась этой атмосферой.

За стойкой стоял молодой мужчина.

Он поднял голову.

Их взгляды встретились.

На одно короткое мгновение весь шум словно исчез, остались только их взгляды. Странное чувство промелькнуло в каждом из них - будто память пыталась подсказать что-то важное. Будто они оба пытались вспомнить сон, который давно забыли.

Но уже через секунду все закончилось.

Юрим первой отвела взгляд. Подошла к стойке.

— Один американо с корицей, пожалуйста.

Он кивнул. Не сводя с неё глаз. Через минуту перед ней уже стояла чашка.

Она выбрала место у окна, отсюда была видна река. Сделав первый глоток, Юрим удивилась, кофе было и вправду вкусным.

Тёплым.

Домашним.

И вдруг ей стало спокойно, будто именно этого места ей так не хватало. Словно в этом маленьком кафе ее никто не ждал... и в то же время здесь уже было приготовлено место именно для нее.

Она пришла снова на следующий день. Каждый раз улыбаясь заходя в кафе.

Потом ещё раз.

Потом ещё.

Сначала ей казалось, что она возвращается сюда из-за кофе.

Потом — потому что отсюда красиво смотреть на реку.

Позже она поймала себя на мысли, что начинает узнавать посетителей.

Глава 4

Постепенно кафе «Хан» стало частью её повседневного маршрута.

Юрим приходила сюда почти каждый день. Иногда брала кофе с собой, иногда занимала столик у окна, доставала книгу или дневник мамы и проводила за ним час или два. Ей нравилось это место: негромкая музыка, запах свежего кофе, спокойная обстановка и вид на реку.

С каждым визитом она замечала всё больше привычных мелочей. Утром за стойкой чаще всего работала девушка с короткими волосами. Юрим несколько раз слышала, как её называли Наён. Ещё один сотрудник, молодой парень, обычно занимался заказами и уборкой столиков. Его имя — Чжун — тоже запомнилось ей из чужих разговоров.

Иногда Наён встречала её коротким кивком, а иногда спрашивала, будет ли она заказывать привычный напиток. Чжун, проходя мимо, вежливо здоровался. Ничего особенного — просто маленькие знаки узнавания между людьми, которые стали часто встречаться.

Хёну тоже уже запомнил её заказ.

— Американо с корицей? — уточнил он однажды, когда Юрим подошла к стойке.

— Да, пожалуйста.

Он кивнул и принялся готовить напиток.

— Спасибо, — сказала она, когда чашка оказалась перед ней.

— Пожалуйста.

На этом обычно их разговор и заканчивался.

Хёну не пытался поддерживать беседу, а Юрим не находила повода заговорить с ним о чём-то ещё. Он казался ей человеком, который предпочитает заниматься своими делами и не тратить слова без необходимости.

Однажды, забирая кофе, она заметила, как Наён что-то сказала ему, а тот ответил коротким взглядом.

— Вы всегда такой серьёзный? — услышала Юрим голос девушки.

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые знаешь ответ?

— Просто проверяю.

Юрим невольно улыбнулась и отошла к своему столику. Ей нравилось наблюдать за тем, как сотрудники общаются между собой. В кафе была своя жизнь, свой ритм, и постепенно она переставала чувствовать себя здесь случайной гостьей.

На пятый день, ближе к обеду, когда Юрим сидела у окна с книгой, над входной дверью звякнул колокольчик.

В кафе вошла девушка. Высокая, ухоженная, в светлом пальто, которое выглядело довольно дорогим. В руках она держала небольшой букет свежих цветов, перевязанный тонкой лентой.

Наён в этот момент принимала заказ у посетителя, Чжун относил напитки к столику, а Хёну стоял за стойкой и просматривал какие-то бумаги.

Девушка уверенно направилась к нему.

— Хёну.

Юрим подняла глаза. До этого она не слышала, чтобы кто-нибудь обращался к владельцу кафе по имени.

Хёну оторвался от бумаг. Увидев гостью, он улыбнулся — по-настоящему, тепло и открыто. Совсем иначе, чем улыбался обычно, когда отвечал посетителям.

— Соа, — произнёс он.

— Как работа? — спросила девушка, поставив букет на стойку. — Ты опять здесь с самого утра?

— Как видишь.

— И даже не собираешься отдыхать?

— Не сегодня.

Соа покачала головой, словно такой ответ её ничуть не удивил.

— Я принесла тебе цветы.

— Заметил.

— Мог бы хотя бы поблагодарить.

— Спасибо, Соа.

Она улыбнулась и поправила ленту на букете.

Наён, закончив принимать заказ, посмотрела в их сторону.

— Соа, привет.

— Привет, Наён.

— Давно тебя не было.

— Несколько дней всего.

— Для некоторых это уже долго, — усмехнулась Наён.

Соа рассмеялась, а Хёну тем временем убрал букет подальше от края стойки, чтобы его случайно не задели посетители.

Юрим снова опустила взгляд к книге. Она не знала, кем Соа приходилась Хёну, но по тому, как свободно девушка держалась в кафе и как они разговаривали, было понятно, что это не просто случайная посетительница.

К тому же Хёну улыбался ей совсем по-другому.

Юрим перевернула страницу, стараясь вернуться к чтению. За окном по-прежнему двигались прохожие, за стойкой звенела посуда, а в кафе продолжался обычный день.

—

Как-то раз, подходя к двери, она заметила объявление.

Требуется сотрудник.

Она перечитала его дважды.

Сердце забилось быстрее.

— Это шанс…

Юрим глубоко вдохнула и толкнула дверь. Ее встретил все тот же уже родной запах кофе и живых цветов.

Хёну поднял голову.

— Здравствуйте…

Она старалась говорить уверенно.

— У вас ещё открыта вакансия?

Он смотрел на неё чуть дольше обычного.

— Да.

— Я хотела бы попробовать.

Она протянула резюме, которое носила с собой почти каждый день, в попытках найти работу.

Хёну взял его. Пробежался взглядом по первым строчкам. И вдруг остановился.

Пэк Юрим.

Сердце болезненно сжалось.

Совпадение?

Или...

Он медленно поднял взгляд.

Те же тёмные глаза. То же выражение лица.

Нет..

Этого не может быть.

- Что-то не так? - встревоженно поинтересовалась Юрим.

- Все в порядке, - тихо сказал он.

Но впервые за долгие годы ему захотелось узнать о человеке перед собой абсолютно все.

Он понимал, что принимает решение слишком быстро. Обычно он никогда не нанимал человека после нескольких минут разговора. Но сейчас почему-то не мог сказать "нет".

- Если вы не передумали... можете выйти завтра. Попробуем. - Сказал он на одном дыхании.

Юрим удивленно моргнула.

- Правда?

Он кивнул.

- Думаю, вы нам подойдете.

Она улыбнулась так искренне, что он невольно ухмыльнулся в ответ.

Когда дверь за Юрим тихо закрылась, в кафе снова стало тихо. Хёну опустил взгляд на резюме. Имя не изменилось.

Пэк Юрим.

Он провел пальцами по этой строчке, словно надеялся, что глаза его обманывают, что все это время он видел именно ее каждый день в кафе и не решался заговорить, о фотографии выпавшей из ее кармана в тот день, о том, что она тут делает. Взяв ее на работу он надеялся, что глаза и память его не обманывает,и она именно та, кого он потерял 18 лет назад.

Глава 5

Будильник зазвонил в семь утра.

Юрим нащупала телефон под подушкой и выключила его, ещё несколько секунд лежа с закрытыми глазами. За окном уже шумел город: где-то проехал автобус, хлопнула дверь подъезда, а с улицы донеслись голоса прохожих.

Сегодня ей предстояло выйти на первую работу в Сеуле.

Она села на кровати, посмотрела на одежду, приготовленную с вечера, и тяжело вздохнула.

— Ну что, Юрим. Посмотрим, как ты справишься.

На небольшом столике рядом с зеркалом стояла фотография мамы. Юрим взяла её в руки, провела пальцем по краю снимка.

— Сегодня первый рабочий день. Надеюсь, я ничего не перепутаю. Хотя, зная себя…

Она усмехнулась и поставила фотографию обратно.

Иногда ей хотелось рассказать маме самые обычные вещи: что удалось найти комнату, что в соседнем переулке продают вкусные булочки, что в кафе работают приятные люди. Такие мелочи раньше не казались чем-то особенным. Теперь же Юрим ловила себя на мысли, что всё ещё мысленно обращается к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.